

Александр Дром

Каллиграф

НОВЕЛЛЕТТЫ

Александр ДРОМ

Калмираф

НОВЕЛЛЕТЫ

Издательство «Союз писателей»
Новокузнецк
2015 год

УДК 82-191
ББК 84 (2 Рос=Рус)
Д/75

12+

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателей запрещается.

© Д/75 Александр Дром,
Каллиграф. Новокузнецк:
«Союз писателей», 2015 – с. 26

Дром пишет джаз. Дром – синтезатор. Самое время – «собрать камни»... Дром работает на грани – там, где сливаются воедино форма и содержание, реализм и романтизм, реальное и возможное – там, где уже нет никаких разделений, где остаётся только Литература. Путь. Дром.

УДК 82-191
ББК 84 (2 Рос=Рус)

© Александр Дром, 2015
© «Союз писателей», Новокузнецк, 2015

Оглавление

От автора	4
У Марты	5
Каллиграф	9
Фея	16
Люди клевера	18

От автора

Добрый день, господа.

Позвольте представиться – Дром.

Дром пишет джаз. Дром – синтезатор. Самое время – «собирать камни»... Дром работает на грани – там, где сливаются воедино форма и содержание, реализм и романтизм, реальное и возможное – там, где уже нет никаких разделений, где остаётся только Литература. Путь. Дром.

50 лет. Ученические работы не публиковал. Итог двадцати лет ученичества в избранном ремесле – четыре выставочных работы – четыре новеллеты: диптих «Каллиграф», «Фея», «Люди клевера».

Ищу новый путь (Дром), в работе повесть «Однажды в Империи» – публикуется на сайте [Александр Дром](#)

Каллиграф

НОВЕЛЛЕТТЫ

ДИПТИХ

У Марты

(Камертон)

I

В горах расстояния обманчивы. Десять вёрст в гору все не то же, что вдоль побережья. В этом он убедился с лихвой.

И дернул же чёрт взять работу с выходом на дом! А что было делать? Золотой посулили.

За снимаемый у вдовушки угол хоть изредка должен платить. В августе у каллиграфа, считай, нет работы, мало желающих на рынок ходить по жаре. Четверг и вовсе пустой день всему рынку, покупателей нет, одни продавцы.

В воскресенье он в церкви свечу Богу поставит – за удачу – повезло так повезло! Имение заказчицы от их городка всего-то в десятке вёрст. Письмо написать под диктовку старушки, и живи себе влать – золотой за труды!

Вот только эта вертихвостка-служаночка забыла предупредить, что все десять вёрст придётся в гору идти, а сам он вовремя не сообразил – жарко, лень даже думать.

Как всегда, досидел до полудня за своим столиком у входа на рынок. Хоть бы кто подошёл. Как обычно, отмокал в бане, в бассейне с проточной водой, пару часов. И отправился в путь. По самому пеклу. Всё равно ведь потеть, так хоть по делу.

Столбовая дорога к ближнему перевалу вьётся по склону в сени дубравы. В тени извечных дубов, наверное, попрохладнее, чем на раскалённой сковороде побережья. Море от жары не спасает, скорее, наоборот, от лишней влажности совсем неумоготу от духоты.

Вот сдуру и направился в горы, когда солнце уже шло на склон.

Всего-то двух вёрст не дошёл. Солнце зашло, на горы обрушилась ночь. Впотьмах на первой же развилке за восьмым верстовым столбом он свернул не туда.

Путь выбирал правильно – какая дорога похуже, по той он и шёл. О каждом съезде с дороги кто-нибудь да заботится. Это сама дорога оставлена без хозяина со времён распада Империи.

Почему-то он сразу понял, что идёт не туда в кромешной тьме в начале ночи, но... Раз сбился с дороги, иди себе дальше, куда-нибудь да придёшь. Заночевать где-то нужно.

Слава богу, это ответвление дороги было коротким. Вскоре он уже стоял у порога таверны, древней, как сама дорога. В неверном, колеблющемся свете от нещадно чадающей масляной лампы, подвешенной на крюке справа от входа, он с трудом разобрал название этой таверны, выбитое на мраморной плите над распахнутой дверью: «У Марты».

– Кого там нелёгкая принесла на ночь глядя?

– Открыты, хозяйка?

– Заходи, коль пришёл.

Всего три ступени вниз. И прохладно, как в склепе. Не верится, что за открытой дверью зной и не думал спадать.

Обычная забегаловка – для своих, местных. По боковым стенам – лавки, перед ними – удобные столики. У дальней стены под широким окном, зарешеченным деревянными жалюзи, жаровня. У жаровни – хозяйка. Невысокая женщина с весьма зрелыми формами.

– Постояльцев у меня нет, и прохожих бог не послал, за сегодня ты первый, так что не стряпала, на стол соберу, что найду.

Нашлись: пяток яиц, ещё тёплых, краюха хлеба и запотевший кувшин свежего эля. Что ещё нужно на ужин? Пятница уже наступила – пост.

– Не желаешь искупаться с дороги? Как раз на стирку воду согрела. Раздевайся. Да не стесняйся, кругом ни души.

На двух устойчивых табуретах покоится большое долблёное корыто, словно гроб-домовина, посреди комнаты.

Ну не монах он! Под столь заботливыми руками и у мёртвого встал бы. Вот и он, вымытый до скрипа, выпрямился во весь свой рост, пошире расставив ноги, чтобы было удобнее женщине. Блаженно закрыл глаза. Ух и умела хозяйюшка! Каждый волосок дыбом стоит, словно тысячи раскалённых иголочек всё тело покалывают.

...Ещё до света вышел он на столбовую дорогу, полностью опустошённый. Во всем теле лёгкость невероятная после бессонной ночи. Ни капли животворной влаги не оставила в нём милая Марта, зато и плату за ночлег с него не взяла.

II

Ближе к полудню с заветным золотым за щекой – так приятно чувствовать снова вкус золота! – он уже привычно свернул со столбового пути.

Она ещё жалуется, что нет постояльцев! Кто же придёт, если дорога совсем заросла? Из каждой щели между крошащихся плит прёт пучками трава. Вот же безмозглая, вовсе не думает, как клиентов завлечь. Нет, баба без мужика ни на что не способна, ни с чем не управится.

Вот и дошли.

Замшелый склеп. Полустёртая надпись над зияющим входом. Классическая латынь – «мементо мори» – «помни о смерти». Ну как прочитать умудрился – «У Марты»? Господи Иисусе...

Да-а... Как дошёл он обратно до столбовой светлой дороги, не помнит. Ещё и этот жуткий звук за спиной – нарастающий! – не то смех, не то плач.

Из-за поворота дороги выезжает душераздирающе скрипучая арба. Мужичок лениво погоняет волов.

– И-извините, здесь где-то таверна была.

– Перебрал вчера малость? Бывает. Тебе какая таверна нужна? Ближайшая?

– Нет. «У Марты».

– А-а... Эта? Эль у Марты завсегда превосходный, но по мне – жидковат. Так это, страдалец, не там ты свернул. Таверна «У Марты» была подальше, с полчаса будешь топтать обратно. Столько раз говорил Марте: «Не скупись, скряга ты старая! Поставь указатель или сама стой у дороги – тебя за версту видно, оглоблю тощую».

Каллиграф

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»

I

День был самый обычный. Как обычно, сидел каллиграф за своим столиком у входа на рынок – с восхода солнца и до полудня.

В августе у каллиграфа, считай, нет работы, мало желающих на рынок ходить по жаре. Четверг – пустой день всему рынку, покупателей нет, одни продавцы.

Народу на рынке не было вовсе. Просто подойти, парой слов перекинуться, и то некому. Скука и жара несусветная.

Каллиграфа уже совсем разморило от жары и безделья, когда к нему за столик напротив подседа юная женщина – мусульманка. Вся укуталась в покрывала, видно только глаза – голубые, как небеса.

Повезло. Любовные письма писать просто, и на плату за них не скупятся, особенно такие, как эта.

Короткое послание. Каллиграф дорисовал последний завиток буквы, перечитал письмо заново, выискивая недоделки своей работы:

«Я создана для тебя. Я ждала, ждала сколько могла. Больше ждать не могу. Не могу жить без тебя. Я приду в полночь и уже не уйду».

Сойдёт. Небрежным, отработанным жестом подал письмо незнакомке.

На столике лежала монета. Женщина спокойно уходила прочь.

– Эй! А письмо?..

– Доставлено.

Сначала он растерялся, потом стало страшно.

Вы смотрели в глаза безудержно любящей женщине? Вы слышали этот голос, полушёпот, непреклонный в своей убеждённости? То-то.

Он что, просил? Каждому своё. Всем своё место. Его место – от всех в сторонке. Там, за спиной, за стеной, бурлит жизнь, продают-покупают, а он – у самого входа, но с другой стороны. Так в тенёчке и отсиделся. Всегда на людях, всегда один. Сорок пять минуло, не до шуток. Жизнь прожита, поздно менять.

Что ещё нужно? Свой угол имеется, домик с крохотным садом, в наследство остался после смерти сожительницы. На хлеб всегда заработает. Женщины? Да сами найдутся, есть куда бегать. Любить не просит, не юнец безусый. Зачем ему это?

Она ведь не шутит. У кого из знакомых нашлись бы лишние деньги – оплатить такую актрису? Нет, так не шутят. Незачем. Нда...

И что теперь?.. Чёрт его знает, может, всё только привиделось?

II

Солнце зашло. Пятница наступила. Разгорелась на небе первая звёздочка. Близится полночь.

Он хорошо подготовился к встрече. Накрыл стол – во дворе, в сени дерева. Так, ничего лишнего – прохладное лёгкое вино, фрукты, сладости. За час он её уговорит – не делать глупости, вернуться домой, пока не видели. Не зря столько раз записывал под диктовку чужие мысли и чувства, все слова нужные сами нашлись, применительно к случаю. Сидел, свою речь смаковал. Тон подбирал – по-отечески нежный и строгий.

Конечно, ни черта не вышло из этого.

Она просто прошла сразу в дом, даже не взглянув на него, со всеми его приготовлениями.

Он ещё посидел за столом – дурак дураком – хотя и недолго, и пошёл выгонять незваную гостью.

Он увидел её со спины. Женщина была занята, хозяйски перебивала подушку на разобранной постели. Аккуратно сложила все свои покрывала поверх крышки его сундука. Остальная одежда ничего не скрывала, шёлк прозрачен. Всё, что ему нравится в женщинах, всё – на своём месте.

Она почувствовала его взгляд, обернулась и улыбнулась. И он сразу понял, что ничего ей не скажет, ничего из надуманного.

Женщина улыбнулась и сняла с себя все одежды. Что ещё оставалось? Он тоже.

- Тебя как зовут?
- Зачем тебе имя? Тебе мало меня?
- Имей совесть. Всех зовут как-то.
- Вот и зови, как хочешь, зови.
- Гм...
- Без имени я тебе неприятна?
- Извини. Просто непривычно как-то. Мало что девушка, ещё и без имени.
- У тебя были женщины, все – с именами. Ты лица их помнишь? Меня не забудешь.
- Гм... Ты это... Есть будешь?

День пролетел – и не заметил. Господи, как хорошо – знать, что тебя ждут дома, что снова наступит ночь, и всё будет снова.

III

В это невозможно поверить, но липкая кровь на простыне – несомненна.

А вы что бы подумали?

– Извини, сегодня у нас какой день? Пятница?

– Нет, милый, суббота. Ночь пятницы была вчера.

– Это ведь не первая ночь...

– Со мной так будет всегда. Завтра будет всё так же.

– Кто ты?

– Женщина. Просто женщина.

– Сам вижу, не мальчик. Да откуда ты взялась на мою голову? Таких, как ты, на земле не бывает.

– Значит, бывают на небе. Успокоился?

– Господи, ну не может этого быть!

– Почему? Для Него всё возможно.

– Кто ты?

– Сам знаешь.

– Гурия? «Все достоинства семидесяти двух девственниц воплощены в одной – вечно юной, вечно девственной». Господи Боже... Я же христианин!

– И что? Каждому свой рай уготован?

– Но гурии предназначены в награду праведникам – в раю. Я что, уже умер?

– Нет. Успокойся.

– Тогда почему ты здесь, со мной?

– Я создана для тебя.

– Господи, да за что?!

– Ты не писал доносов.

– Да писал бы! Всё что угодно, лишь бы платили.

– Не по намерениям судят, значимы только поступки. Ты даже не представляешь, сколько радости принёс людям своим ремеслом. Сколько раз обливались слезами от счастья, перечитывая любовные письма, писанные твоею рукой, знаешь? Да большего праведника не сыскать по всему побережью.

– Я жил во грехе! Я спал со вдовой.

– Она была с тобой счастлива. Разве что на тебя не молилась. Даже пред самым Господом не за себя, за тебя просила.

– Ну, не знаю... Я посты не все соблюдал.

– А поститься велел вам Господь, не служители Церкви? Смирись, опусти глаза долу? Не найти Бога – у себя под ногами.

– А спать с тобою не грех?!

– Не знаю. Я тебе предназначена. Я создана для тебя. В чём грех? Если грех – только мой.

– Что с тобой будет за это?

– Не нужно об этом. Не знаю. И знать не хочу.

– Тебе было больно?

– Любить всегда больно.

– Гм... Как там, на небе?

– Зачем знать заранее?

– Ты права. Конечно, права... Тем более что ты уже всё изменила, всё предначертанное.

– Прости. Я хотела как лучше. Я правда не могла больше ждать.

– Дурочка. Променять рай на старика... Ну что ты плачешь? На кой мне их небеса, когда ты рядом? Иди сюда.

Что с неё спрашивать? Женщины. Отдать всю вечность с любимым в рай за сегодня... Да.

***

Ей было отпущено всего ничего. Малярия не для небесных созданий, сгорела за ночь. На сороковую ночь, перед самым рассветом, гурия вернулась на небо. Или куда там ещё...

Каллиграфа уже никто на небе не ждёт.
И что? Что мы знаем о жизни и смерти...

10.10.10

Новеллеты

Фея

Её звали Фея. Она и была феей. Только маленькой. В пересчёте на человеческий возраст всего-то лет двенадцати. Самое время влюбляться без памяти. Она и влюбилась. В художника.

Разве она виновата в том, что художник был начинающий, так, неумеха-мазилка.

Считай, всё лето, каждое утро, перед восходом солнца, приезжий художник приходил к ней на Ромашковый луг – на пленэр.

Вот уже месяц всё никак не закончит этюд, единственный за всё это лето. Самый обычный – для начинающих. Изгиб реки в рассветной дымке тумана, заливной луг, вернее, прибрежный кочкарник, и на переднем плане – единственный куст ромашки, высвеченный лучами восходящего солнца. Банально.

Всё прописано до мельчайших деталей: каждый листочек на кустике, каждая жилочка листика. Всё – в точности как перед глазами, но... Всё не хватает чего-то, может, верного освещения, может, таланта. Не то!..

Сидит каждое утро, сравнивая натуру с изображением, подправляет и подправляет этюд, и без толку.

За спиной у художника, словно ангел-хранитель, всегда сидит Фея. Тихонечко и невидимо сидит себе и сидит, не сводя обожающего взгляда с возлюбленного. Осторожно, чтобы не спугнуть гению вдохновения, срывает, не глядя, ромашку, гадает: «Любит – не любит...»

Так вдвоём и сидели с рассвета и до полудня каждый день в августе, пока однажды художник не вздохнул горестно:

– Всё. Кончилось лето. Не будет и завтра нужного света, бросаю всё к чёрту. Бездарность. Прямая дорога на рынок – торговать баклажанами.

Наутро художник привычно всё разложил по местам. Начал придирчиво сравнивать свой этюд с видом и... замер. Лепестки ромашки просвечивали необычайно нежным шелковисто-красным оттенком. Дрожащими руками смешивал краски художник, боясь упустить краткий миг чуда. Слава богу, нужное освещение, как по заказу, не уходило, только ближе к полудню поблекли ромашки.

На вернисаже в Париже художника дружно признали восходящей звездой какого-то псевдо-изма.

Художник уехал, и луг совсем опустел.

У Феи было прирождённое чувство прекрасного, на то и фея, вот только чудесить она ещё не умела – слишком маленькая. Лепесток за лепестком расписала собственной кровью, а сколько той крови в маленькой фее...

Ноябрь 2010 г.

Памяти Валентины

Люди клевера

«В начале было Слово»

Днём, по теплу, когда приходится отсиживаться у костра в глубине пещеры, Сказочница рассказывает истории, известные всем от первого до последнего слова, и всё равно, затаив дыхание, слушают, не только несмышлёные дети, взрослые тоже.

«Все знают, весь этот мир рождён Великими Матерями, предвечными богинями, сёстрами.

Старшая сестра – седовласая богиня Луна. Младшая – златовласая Солнце.

Вместе родили, вместе по справедливости власть над всем этим миром меж собой поделили.

Луна правит ночью, Солнце – днём. Старшая всегда предшествует младшей, вслед за ночью день наступает.

Как и положено старшей, Луна за Солнцем приглядывает. Всего лишь приглядывает, не вмешиваясь в дела сестрёнки. То с вечера выйдет пораньше, то на утро задержится, а то и весь день Луна вместе с Солнцем по небу ходят. На то Луна – старшая, на то и Хозяйка, чтобы самой решать, когда за всем этим миром ей с неба смотреть. Конечно, такая опека очень не нравится младшей. Вот Луна и решила, чтобы не распалить страсти, каждую четвёртую неделю весь этот мир на сестру оставлять. Луна три недели ходит по небу, а на четвёртую удаляется из этого мира в свою заоблачную обитель на вершине Олима.

Каждую четвёртую неделю весь этот мир безраздельно во власти Солнца. Неделя проходит, и в свой

день – воскресенье – Луна снова на небо выходит. Так было, так будет, всегда.

У Великих Матерей много имён. Каждый народ называет по-своему. Мы зовём Луну – Мириам, а Солнце зовём – Сатана.

Все мы – дети двух Матерей. Обе Матери любят своё порождение одинаково жаростно.

Нет ничего сильнее любви матери. И нет ничего страшнее ревности матери.

Только матери любят всех своих детей одинаково. Матерей любят по-разному.

Если есть из кого выбирать, каждый сделает выбор. Так всегда и повсюду. Люди клевера – люди... Люди клевера своей богиней избрали старшую Мать – Мириам.

Наша всевластная повелительница – Пресветлая Мириам. Так было, так будет, всегда.

Везде, где селились люди клевера, первым делом всегда возводили Мириам храм. В храме всем миром Мириам и молились. И Мириам всегда благодетельствовала своему народу.

Повелительница всех вод Мириам людей клевера научила управлять реками, стекающими со склонов Олима в прибрежную долину у тёплого Средиземного моря. Люди клевера рыли водоотводные каналы, насыпали дамбы, возводили мосты и акведуки. И люди сами, своими руками, создали на земле рай. Такой же, как на вершине Олима – в обители Мириам.

Белоснежная вершина Олима возвышается над облаками. Там уже небо. Можно дойти до вершины Олима и на небо взойти. Так наши души из этого мира уходят – в рай Мириам.

В те счастливые времена люди клевера отгоняли отары овец на летние пастбища высоко в горы – на клеверные луга,

как и мы ныне, но с наступлением холодов спускались в долину у подножия гор. Там никогда не выпадал снег, только дожди щедро поливали землю зимой. Там круглый год были зелёными трава и неоппадающая листва – в долине и понизу склонов. Вот какие там были зимние пастбища. Райские.

Люди клевера жили в своём рукотворном раю и совсем о Сатане позабыли, но Сатана нас не забыла. Ведь Сатана больше всего желает, чтобы люди её, а не старшую сестру почитали, только ей одной поклонялись. И Сатана дождалась своего времени.

Однажды, когда Пресветлая Мириам, как обычно, удалась из этого мира, наслала Сатана на людей клевера самых страшных своих демонов – золотых! – варваров, чтобы силой принудили её почитать.

Не нужно рассказывать, что творили с людьми клевера варвары. Не нужно рассказывать, но помнить нужно всегда.

Да... Принуждали, да так никого и не принудили. Силой любить не заставишь.

Варвары замазали известью все изображения в храмах, и в этих пустых белых храмах людям клевера велели Сатане вместе с ними молиться, грозя смертью всем несогласным.

На Солнце в зените глядеть невозможно, а раз невозможно увидеть богиню в её истинном свете – ослепительном сиянии, нельзя изображать, все должны почитать одно её имя.

У Великих Матерей много имён. Варвары Солнце звали – Ялла.

Мириам не могла спасти свой народ. Пресветлая Мириам не могла нарушить раз данного слова, иначе во всём этом мире не осталось бы ничего святого. Люди клевера – люди Слова.

Всю четвертую неделю власть над миром всецело принадлежит Сатане. Сделанного не воротишь.

Ничем помочь Мириам не могла, но оставить в беде свой народ Заступница не могла... И тогда Мириам родила Сына – Спасителя.

С вершины Олима в долину сошёл Человек.

Спаситель собрал весь народ клевера, всех уцелевших, и увёл за собой высоко в горы – на Верхний Олим.

Спас свой народ и вернулся к Матери – на вершину Олима. С тех пор там Он живёт. Правит в раю праведными душами – душами людей клевера.

Так и спаслись люди клевера от нашествия варваров.

Раздосадованные демоны в отместку обрушили склоны гор, открыв разом все дамбы, и страшный потоп в море смыл все строения и всю плодородную почву, а всё, что осталось, своими безжалостными лучами сожгла Солнце. С тех пор у подножья Олима по всему побережью каменная пустошь.

Но и на этом Сатана не успокоилась. Владычица подземного мира перед потопом погнала в горы всех обитателей нор – со всего побережья! – в погоню за людьми клевера. Словно серые реки, текущие вгору, шли потоком крысы и мыши, а след за ними – все гады ползучие. Снизу доверху горы заполнили, никому не давая житья: ни зверю, ни птице, ни людям – все не живут – выживают.

Только поэтому мы живём так высоко в горах – на южном склоне Верхнего Олима – и ниже никогда не спускаемся.

Всегда и везде выживут – люди.

Лучше жить на Олиме, чем идти на поклон к Сатане, вместе с демонами ей молиться.

Мы выжили. И живём. Живём в ожидании Второго Пришествия Спасителя.

Когда снова наступят самые тяжкие времена, Спаситель сойдёт с неба. Спаситель придёт и соберёт весь свой народ – всех людей клевера – и всех за собой уведёт на вершину Олима – в рай – к Матери.

Спаситель придёт! Так было, так будет.

Спаситель найдёт каждого из людей клевера. Ведь каждый из нас с рождения носит на груди его знак – серебряный листик клевера, счастливый листик – четырёхлистник.

И каждый из нас Спасителю назовёт своё имя, данное ему при рождении. Впервые в жизни каждый вслух сам назовёт своё имя. И в нашем роду каждый брат себя назовёт: «Или – я!» И каждая сестра себя назовёт: «Мари – я!»

Так будет.

Ну и как, ещё не наскучило? Хватит с вас на сегодня».

Хранительница, не дожидаясь многоголосых настойчивых просьб, бережно разворачивает свиток единственной иконы.

Эта непостижимая ткань соткана будто из паутины, но это не паутина, паутина не может быть настолько прочной и долговечной. Икона вышита гладью такими же тончайшими нитями.

Окраска нитей поблекла в незапамятные времена, но от этого изображение стало жизненней и понятней.

По блекло-голубому зимнему небу плывут белые облака. По белому снегу идёт к ним простоволосый босой Человек в развевающихся на ветру лёгких белых одеждах. На плечах Доброго Пастыря возлежит нежно-серый ягнёнок. Спаситель – молодой, но совершенно седой – и голова, и окладистая борода. Глаза у него – светло-серые, как у большинства людей клевера. Удивительные глаза. В эти глаза не наглядеться.

Всё так же, всеобъемлющей любовью светятся глаза Спасителя. И с каждым годом всё больше и больше нуждаются в любви люди...

Декабрь 2010 г.

Литературно-художественное издание

© Александр ДРОМ

Каллиграф

Новеллеты

Главный редактор: **Денис Суховейко**

Верстка: **Марина Дьяченко**

© Обложка: **Мария Соседко**

Корректурa: **Анастасия Русских**

Подписано в печать: 05.05.2015.

Формат PDF. Электронное издание. Бумага офсетная.

Гарнитура «Times New Roman».

Издательство «Союз писателей».

654044, г. Новокузнецк,

Кемеровская обл., пр. Пионерский, 14.

Тел. +7 (3843) 740-170

E-mail: izdat@soyuz-pisatelei.ru.

Сайт: <http://izdatknigi.ru/>

Интернет-магазин: <http://soyuz-pisatelei.ru/shop>,

<http://planeta-knig.ru>

УДК 82-1

ББК 84 (2 Рос=Рус)

Д/75

© Александр Дром, 2015

© «Союз писателей», Новокузнецк, 2015

Издательство

**Союз
писателей**

<http://soyuz-pisatelei.ru>
soyuz.pisatelei@gmail.com